В конце концов Е Ли всё-таки досталось дважды. Наверное, в период беременности люди становятся особенно чувствительными: Е Ли, с жалобами и обиженными слезами, одновременно получал невероятное удовольствие. Как бы ни было хорошо, обида никуда не делась.

После всего Инь Бэй отнёс его в ванную, чтобы искупать.

Е Ли закутался в маленькое одеяло с головы до ног, смертельно боясь, что этот негодяй снова превратится в зверя.

Инь Бэй поцеловал Е Ли в лоб.

— Больше не разговариваешь со мной?

Е Ли зажмурился, притворяясь, будто уже заснул, но только непрерывно дрожащие ресницы выдавали, что хозяин бодрствует и полон сил.

— Малыш?

Е Ли подумал, что этот мужчина просто невероятно надоедливый. Он ведь уже собирался спать, почему же у того до сих пор ни капли совести?

Е Ли открыл глаза, и в его взгляде заплямовали маленькие искорки:

— Можешь ты уже помолчать? Я спать хочу.

Немного грозно.

Инь Бэй опустил голову и легко коснулся губ Е Ли, покрасневших куда сильнее обычного.

Е Ли: «……»

Его снова поцеловали!

— Ты так и не ответил, изменился я по сравнению с прошлым разом или нет.

Старый бесстыдник Инь проявил удивительное упорство.

Е Ли: «……»

— Юноша, у тебя поистине удивительное телосложение, за столько лет ты совсем не изменился.

Е Ли принялся нести чушь.

Инь Бэй остался недоволен:

— Очень отговорчиво.Е Ли тоже был крайне недоволен. После того как его столько раз имели во все щели, ему даже не дают поспать — разве это по-человечески?

Поэтому Е Ли снова закрыл глаза и перестал обращать на Инь Бэя внимание.

Инь Бэй прижал его к груди. С закрытыми глазами Е Ли нащупал удобное положение и уткнулся лицом в грудь Инь Бэя.

Он уже почти засыпал, как вдруг, словно что-то вспомнив, поднял голову:

— Ты такой плохой, я тебе не верю.

И тут же снова зарылся в объятия Инь Бэя, продолжая спать.

Инь Бэй тихонько усмехнулся над Е Ли: на словах говорит, что не верит ему, а сам спит у него на груди так сладко — как вообще может существовать кто-то настолько милый?

— Маленький поросенок.

Е Ли недовольно хмыкнул.

Неизвестно, заснул он окончательно или нет.

Когда Е Ли проснулся, Инь Бэя уже не было рядом. Е Ли протер глаза, и все воспоминания до того, как он уснул, мгновенно вернулись к нему, включая и те слова, что произнес Инь Бэй.

Е Ли немного смутился и пару раз перевернулся туда-сюда в одеяле, прежде чем жар на его лице немного спал. Про себя он наказал себе ни в коем случае не принимать всерьез то, что наговорил Инь Бэй — в конце концов, этот мужчина очень плох, и, возможно, он сказал это лишь затем, чтобы обмануть его.Статус: забавный питомец, содержанки у влиятельного богача. Чисто плотские отношения — только в постель, никаких чувств. Цель: довести своего покровителя до белого каления, сделать так, чтобы их сын унаследовал миллиардное состояние, и самому стать тем самым богачем.

Чтобы не поддаться на сладкие речи Инь Бэя, Е Ли выбил эту фразу на экране, сделал

скриншот и поставил его на заставку своего телефона.

Глядя на строчку на экране, Е Ли с облегчением выдохнул. Он страдал умеренной интернет-зависимостью, поэтому телефон почти никогда не выпускал из рук.

Теперь-то он точно не забудет! А если всё же вылетит из головы, можно будет найти какого-нибудь каллиграфа, чтобы тот вывел эту фразу тушью, и повесить плакат на стену, созерцая его каждый день.

Е Ли свирепо сжал кулаки — несомненно, это был целеустремленный и несгибаемый юноша.

Е Ли протянул руку и притянул к себе одежду, которую для него приготовил Инь Бэй.

Сонно и невпопад пытаясь натянуть вещь на себя, он наткнулся на трусики с изображением Пикачу.

Е Ли: «……»

Е Ли дрожащими пальцами поднял эти трусы и подумал, что его мужчина — извращенец высшей пробы. Сам он, конечно, любил Пикачу, но это вовсе не означало, что нижнее белье тоже должно быть с этим покемоном. Ладно бы просто рисунок, но почему сзади у этого Пикачу торчал еще и пушистый маленький хвост?

Глядя на этот пушистый хвост, Е Ли чуть не расплакался от злости.

Надевать такое он не собирался — да он скорее голышом побежит, чем наденет это!

Как вообще можно было создать такую извращенскую мерзость? — с отвращением думал Е Ли. — Тот, кто это купил — дрянь, а тот, кто продал — наверняка последний негодяй!
Завернувшись в одеяло, он на ватных ногах доковырнул до шкафа и принялся искать. Искал-искал — прошло десять минут. Искал-искал — прошло уже двадцать, но Е Ли так и не нашел ни единых нормальных трусов.

Е Ли отсутствующим взглядом уставился в свой гардероб.

Было очевидно, что здесь не обошлось без грязных ручонок Инь Бэя.

Ну почему этот мужик вечно творит такое…

Е Ли всё же безумно хотел выбраться наружу, потому что в животе уже слегка сосало от голода.

Он взял телефон и позвонил Инь Бэю, но тот не взял трубку. Набрал городской номер — снова тишина.

Гнусные замыслы этого типа торчали изо всех щелей: этот старый развратник просто добивался, чтобы он пришел к нему прямо в этих трусиках с хвостиком!

Е Ли ни капли не сомневался: если он заявится к нему в таком виде, его непременно облапают за этот хвостик. Но если не идти — с ума сойдешь от голода. А открыть дверь и выйти на поиски еды просто так… вдруг за дверью в этот момент подчиненные как раз докладывают Инь Бэю о делах?!

От одной мысли об этой картине у Е Ли волосы вставали дыбом.В конце концов Е Ли пришлось с презрительным выражением лица натянуть те выглядевшие крайне извращенно маленькие трусики.

Одевшись, Е Ли высунул из раздевалки наполовину голову. Его взгляд обвел кабинет.

Инь Бэй увидел Е Ли и поманил его пальцем.

— Иди сюда.

Из-за угла обзора Е Ли не заметил, что напротив его мужчины сидит еще кто-то,

поэтому Е Ли, мысленно ругая Инь Бэя за извращенность, пошел на выход. Пройдя пару шагов, он увидел сидевшего напротив Инь Бэя Инь Наня и мгновенно захлопнул рот.

Инь Нань погладил себя по подбородку:

— Малыш, мы снова встретились.

Е Ли: «……»

Этот мужчина и впрямь не мог быть еще более противным.

Инь Бэй бросил взгляд на сидевшего напротив Инь Наня:

— Выбирай выражения.

— Что насчет твоего решения по этому вопросу?

Инь Нань отбросил свою легкомысленную ухмылку.

— Цинь Ми не имеет особого значения, но дело уже разрослось. Даже если я не стану вмешиваться, с семьи Цинь сошьют три шкуры.

— Завязывай.

— Условия?

— Тот участок земли на Западных холмах отдам тебе по цене ниже рыночной.

— У нас в семье Инь что, объявился романтик? Тебя бросили, а ты все равно за него

подчищаешь?

В тоне Инь Бэя звучала непередаваемая насмешка.

Чу Жуй знал, что Чу Бай уезжает, но не стал его останавливать, лишь задал один вопрос: ты действительно все обдумал? Чу Бай не ответил на этот вопрос Чу Жуя, зато делом доказал, что действительно все обдумал.

Проведя несколько часов в самолете, когда он добрался до места, уже совсем стемнело. Чу Бай переночевал в гостинице.

Место, куда его направили волонтером для преподавания, находилось очень далеко от города, нужно было несколько часов ехать на междугороднем автобусе.

Обстановка оказалась не такой плохой, как думал Чу Бай: у приехавших учителей были отдельные общежития. Поначалу Чу Бай немного привыкал к здешней жизни, но его способность к адаптации была не так уж плоха, и постепенно он привык к здешнему ритму жизни.

Связь в горах была неважной, и Чу Бай постепенно свел к минимуму общение с внешним миром: не видишь — и больше не больно, не слышишь — и больше не тоскуешь.

Чу Бай считал, что такое состояние было прекрасным, и даже подумывал о том, чтобы пустить здесь корни и зажить мирной жизнью. Денег, которых в городе хватило бы на покупку одного квадратного метра, здесь хватило бы на строительство вполне неплохого дома.

Что же до Чу Жуя, то его, пожалуй, можно было считать лишь нелепым сном безрассудной юности.

Он чувствовал, что все идет прекрасно.

По крайней мере, на первый взгляд.

Пока в один прекрасный день он не получил из столицы пригласительный билет. Приглашение было очень красивым — это была открытка на помолвку. Брат женился, и у него, младшего брата, казалось, не было никаких причин не явиться на банкет.

Но Чу Бай совсем не хотел возвращаться. Поразмыслив, на следующий день он отправился в поселок, позвонил Чу Жую, обрисовал свое положение и сказал, что, скорее всего, приехать не сможет, но подарок обязательно передаст.

Выслушав слова Чу Бай, Чу Жуй погрузился в молчание.

— Я сам за тобой приеду.

Чу Бай слегка усмехнулся, но улыбка вышла вымученной:

— Ты приедешь за мной? Заберешь меня на свою помолвку? Ты можешь меня не любить, но тебе необязательно быть со мной настолько жестоким.

Его голос звучал почти невероятно.

Чу Жуй больше ничего не сказал и повесил трубку.

Чу Бай в общих чертах уже понял намерения Чу Жуя, поэтому на следующий день после полудня он увидел фигуру Чу Жуя прямо перед дверью своего общежития.

Чу Жуй был одет в повседневный костюм, а позади него следовали два телохранителя, создавая впечатление невероятно помпезного выхода.

Чу Бай взял ключ и отпер дверь своей комнаты:

— Заходите.

Два телохранителя за спиной Чу Жуя с чувством долга остались дежурить снаружи, а Чу Жуй последовал за Чу Баем внутрь.

Окинув взглядом старую мебель в комнате, Чу Жуй невольно нахмурился.

Комната была крошечной, обставленной очень просто: кровать, а в самом дальнем углу — отгороженная матерчатой занавеской кухня. Подобная обстановка в глазах Чу Жуя выглядела слишком уж жалко, даже если назвать ее спартанской.

— Ты здесь живешь?

— Да.

Сам Чу Бай не находил в этом ничего страшного: ему доводилось жить в местах куда более грязных и неустроенных, разве это можно было назвать трудностями?

— Поехали со мной.

Чу Бай налил Чу Жую стакан воды.

— Я передам подарок.

Чу Бай взял свой собственный стакан с водой и сел напротив Чу Жуя.

Чу Жуй внезапно поднялся на ноги. Его резкое движение испугало Чу Бая, рука невольно дрогнула, и еще горячая вода расплескалась по одежде.

Чу Бай поставил стакан на журнальный столик.Чу Жуй явно не ожидал, что Чу Бай отреагирует так бурно. Он схватил уже покрасневшие руки Чу Бая, увлёк его на кухню и принялся озираться в поисках водопроводного крана.

Столичный избалованный молодой господин, очевидно, и понятия не имел, что в отдалённых горных районах водопровода отродясь не было.

В конце концов Чу Бай попросил Чу Жуя зачерпнуть воды из большого глиняного кувшина и налить в таз, после чего погрузил в него руки.

На самом деле всё было не так уж серьезно, кожа просто слегка покраснела.

Однако даже от этого вид у Чу Жуя стал хмурым.

– Я отвезу тебя в больницу.

– До ближайшей отсюда больницы ехать часа три, к тому же рана пустяковая. У меня с собой

есть мазь от ожогов, просто намажу – и всё.

Чу Бай не придавал этому особого значения.

Чу Жуй и без того презирал здешние места, а услышав такой ответ, рассердился еще сильнее.

Чу Бай достал из шкафчика баночку с мазью.

Заметив это, Чу Жуй перехватил мазь из рук Чу Бая и, склонив голову, принялся аккуратно мазать ему руки. Видимо, юному господину еще никогда не доводилось прислуживать людям, поэтому даже с нанесением мази он справлялся как-то неуклюже.

Чу Бай взглянул на неравномерно размазанный по рукам крем и вздохнул.

– Что ты хочешь поесть? Я что-нибудь приготовлю, а поешь – и спускайся с гор. Наступит темнота, станет опасно.

– А ты не пойдешь со мной?

– С какой стати мне идти с тобой? Мне кажется, мне здесь очень хорошо.

– Хорошо?

– Именно, хорошо.

По крайней мере, здесь нет Чу Жуя.

Судя по всему, эти слова Чу Бая немало разозлили Чу Жуя.

– Если тебе не нравится твоя нынешняя работа и ты хочешь преподавать, в Диду можно устроиться точно так же. По крайней мере, старшему брату будет удобнее заботиться о тебе.

– И заодно делить с тобой постель?

Тон Чу Бая оставался ровным и почти безразличным.

– Наши отношения зашли в тупик, и я не вижу ни единой причины возвращаться. Ты можешь и дальше без всяких угрызений совести делить со мной постель, но у меня всё же есть какие-то моральные принципы, и я не могу быть с женатым человеком.

– Наше происхождение предопределило то, что мы не сможем выйти вместе в свет.

– Я знаю, поэтому мы и расстаемся.

– Сяо Бай, – позвал Чу Жуй.

Чу Бай опустил голову и рассеянно смотрел на мазь на своих руках.

Они думали об этом дне еще с самого начала, так что теперь, когда он настал, принять его оказалось не так уж трудно. На душе даже стало как-то легко, словно гора с плеч свалилась.

Этот день всё же наступил.

– Сяо Бай, неужели тебе не жаль расставаться со старшим братом?

Чу Жуй наполовину обнял Чу Бая за плечи.

Чу Бай ничего не ответил на его вопрос.

Жаль или не жаль – в конце концов, всё равно всё должно было закончиться именно так. Женитьба и дети – вот путь, по которому надлежало идти Чу Жую. Что же до связи между ними… в худшем случае это можно было назвать ошибкой юношеского безумия.

Чу Жуй опустил голову и внезапно поцеловал Чу Бая в губы.

Движимый какими-то своими соображениями, Чу Бай не стал сопротивляться, но и отвечать на поцелуй не стал – просто так и смотрел на Чу Жуя широко открытыми глазами.

– Всё в этом мире далеко не так прекрасно, как нам хотелось бы. Я женюсь, но и от тебя не откажусь.

– Значит, я тоже могу жениться?

В ответ набросился вопросом Чу Бай.

Чу Жуй опешил, словно никак не ожидал услышать такое.

Они стояли так близко друг к другу, что Чу Бай отчетливо видел отражение собственных мыслей во взгляде Чу Жуя – тот находил услышанное верхом абсурда.

– Ты можешь жениться, а почему я не могу? Ты сам сказал: наше положение обрекает нас на то, чтобы скрываться от чужих глаз. У каждого из нас будет своя семья, а потом мы снова найдем время, чтобы пошалить на стороне – как прекрасно! И ребенок появится, и острых ощущений хватит.

– Только не смей запрещать мне жениться. Если тебе можно, почему мне нельзя? Чу Жуй, пойми наконец: я не твой карманный любовник, которого ты прячешь на стороне.

Чу Бай не хотел больше зацикливаться на этой теме. Он думал о неизбежности этого дня уже давно: пусть на сердце и было тяжело, сломить его это не могло.

Чу Бай протянул руку, обнял Чу Жуя за талию и закрыл глаза:

– Чу Жуй, давай больше не видеться. По крайней мере, в ближайшие несколько лет – давай не будем встречаться.

Он определенно всё еще любил его, но обстоятельства изменились, и продолжать встречи было уже нельзя.

Чу Бай надеялся, что к моменту их новой встречи он сможет смотреть на всё со спокойным сердцем.

Чу Жуй обнял Чу Бая за талию в ответ:

– Неужели обязательно вот так?

– Обязательно.

Чу Бай произнес это со всей твердостью.

– Тогда позволь мне остаться, побыть с тобой, хорошо? Я останусь всего на одну ночь, а завтра утром уйду.

Чу Бай хотел сказать, что так нельзя, что ему следовало бы уйти, но слова застряли в горле, превратившись в простое:

– Хорошо.

Чу Жуй поцеловал Чу Бая в щеку, и тот не стал противиться его нежности.Пожалуй, оба думали о том, что после этой ночи между ними больше не останется никакой связи, а потому отчаянно жаждали обладать друг другом — казалось, только так можно было хоть немного унять тугую боль в груди.

Эту ночь, если уж подбирать для неё определение, можно было назвать только одним словом — безумие.

Чу Бай словно сам на себя не был похож. Обычно он хоть и не противился ласкам Чу Жуя, но всегда оставался сдержанным и скрытным, однако в эту ночь его словно подменили.

Он стал страстным, не отходил от Чу Жуя ни на шаг, и их безудержная страсть оставила следы по всей маленькой комнате, напоминая последнее буйство перед концом света.

Чу Бай погладил Чу Жуя по лицу:

— Я хочу, чтобы, проснувшись, я тебя не увидел.

Чу Жуй склонился и поцеловал его влажную от потца щеку:

— Хорошо.

Чу Бай усмехнулся, и эта улыбка выглядела горше слёз.

— Раз пообещал, не смей нарушать слово.

Чу Бай открыл глаза, долго всматривался в лицо Чу Жуя, а затем снова их закрыл.

Тоска в груди давила так сильно, что ему почти нечем было дышать, и это ощущение было поистине отвратительным.

Чу Жуй крепче прижал Чу Бай к себе.

Ночи в горах стояли холодные, к тому же домики с этой стороны строились наспех, и теплоизоляция у них была самая посредственная.

Хотя осень только-только началась, в воздухе уже чувствовался лёгкий ледок.

Чу Бай принадлежал к тем людям, которые панически боялись холода. С наступлением зимы он старался вообще не выходить из дома, а если и выбирался куда-то пару раз, то кутался так тщательно, как только мог.

Теперь же, в таких условиях, нетрудно было представить, как тяжело ему придётся зимой…

Е Ли с неловким видом слушал перепалку двух братьев, находя их поведение донельзя

ребячливым.

Инь Нань, похоже, всерьёз разозлился на брошенную Инь Бэем фразу про мастера романтики и долго не мог вымолвить ни слова.

Конечно, Е Ли ни за что бы не признался, что на самом деле испытывает злорадное удовольствие — в конце концов, с некоторой натяжкой это можно было считать долгожданной местью.

Е Ли достал из ящика стола снеки, выстроил их в ряд на журнальном столике, открыл баночку Ванцзай и уставился на спорящих братьев, предвкушая зрелище. Жизнь просто не могла быть прекрасней, а будь у него ещё и попкорн — вообще идеальна.

Обязательно надо будет купить его в следующий раз.

Именно так подумал Е Ли.

— Раз уж я мастер романтики, то ты тогда кто?

Инь Нань кивнул подбородком в сторону Е Ли.

— И на эту глупышку ты смог зариться?

Ставший невинной жертвой чужих споров Е-цяоу: «…»

Нельзя же, проиграв перепалку моему мужчине, срывать злость на мне! Да и называть других глупыми — верх бестактности!

Инь Бэй скосил глаза на уплетающего снеки Е Ли, и во взгляде его мелькнула нежность:

— Мне нравится.

У Инь Наня аж зубы заныли:

— Тебе бы стоило показать остальным, во что ты превратился. Если ты так без памяти в него влюблен, твоя первая любовь в курсе?

Услышав это, Е Ли, как раз лузгавший семечки, мгновенно замер и недоверчиво уставился на Инь Бэя: первая любовь?

Инь Нань остался весьма доволен произведённым эффектом. Он поднялся на ноги и с невознмуимым видом покинул кабинет Инь Бэя.

Е Ли бросил семечки и во все глаза уставился на Инь Бэя.

— Не слушай чушь.

— Ага.

Е Ли отвёл взгляд и снова принялся за снеки.

Лишь спустя пару минут он произнёс:

— Даже если она у тебя была, я ничего не стану делать.

В конце концов, это случилось до их встречи.

Е Ли смотрел на вещи проще, хотя… ладно, на душе всё равно скребли кошки. Но прошлое есть прошлое: ворошить его сейчас не только бесполезно, но и лишь ухудшит и без того шаткие отношения между ними.

— Куда больше твоей первой любви меня волнует этот самый ноль-ноль-первый.

Заявил Е Ли.

Инь Бэй дёгнул глазом:

— Никакого ноль-ноль-первого в помине нет, не выдумывай глупости.

Е Ли ему не поверил:

— Мог бы и признаться. Хоть мне и будет очень больно, я ведь не стану устраивать скандал. Не нужно меня обманывать, я же знаю, что кто-то был.

Е Ли опустил голову, приняв обиженный и жалобный вид.

Инь Бэй понятия не имел, что именно заставило Е Ли увериться в наличии у него целого гарема любовников.

— Почему ты молчишь?

Е Ли прождал с несчастным видом добрую минуту, но так и не дождался от Инь Бэя ни слова, поэтому ему пришлось самому подать голос, требуя ответа.

Инь Бэй: «…»

Инь Бэй как раз лихорадочно соображал, как бы убедить своего маленького плаксу.

— Ты даже соврать мне теперь не хочешь?

Е Ли был потрясен. С разбитым сердцем он уставился на Инь Бэя, всё сильнее убеждаясь в том, что этот мужчина — та еще сволочь. Пару часов назад разве не он клялся ему в безумной любви? А теперь даже объясниться не желает?!

Все мужчины и правда одинаковые свиньи: стоило ему заполучить его нежную плоть, как брать ответственность он сразу передумал. Бедный он, бедный, и их малыш тоже, у-у-у.

Инь Бэй тяжело вздохнул:

— Опять надо мной издеваешься, м?

http://bllate.org/book/22947/2446708